

Трагический август 1991-го

© Леонов Н. С.

© Leonov N.

Трагический август 1991-го

Tragic August 1991

Аннотация. Ветеран советской разведки подробно рассказывает об обстановке, сложившейся в стране к лету 1991 г., о причинах спонтанного, никем заранее, по его мнению, не готовившегося августовского выступления группы высших советских руководителей, получившего название «путч», о целях его участников. Автор рассматривает возможность закулисного сговора членов ГКЧП с Б. Ельциным и характеризует последующую судьбу вовлеченных в те трагические события лиц.

Annotation. Veteran of Soviet secret service general-lieutenant Nikolai Leonov remembers about the tragic achievements which took place in Moscow 25 years ago. The author was not only an eyewitness, but a participant of these in the same time. He explains in detail about the situation of 1991 summer, about the causes of spontaneous and not prepared (in his opinion) revolt of the superior Soviet leaders (the so named putsh) and about the aims of the participants. The author discusses the possibility of secret agreement of putshists with Boris Yeltsin. He narrates about the posterior destinies of ex-putshists and other participants.

Ключевые слова. ГКЧП, путч, КПСС, КГБ, Горбачев, Ельцин, Крючков, Янаев, Яковлев, Шеварднадзе, Шebarшин, Бакатин, «секретный объект АВС», Новоогаревский процесс, Союзный договор, Беловежские соглашения.

Key words. State Committee on the State of Emergency (GKChP), putsh, Communist Party of the Soviet Union (CPSU), KGB, Gorbachev, Yeltsin, Kryuchkov, Yanaev, Yakovlev, Shevardnadze, Shebarchin, Bakatin, "secret object ABC", the Novo-Ogaryovo Process, The New Union Treaty, Belavezha Accords.

В истории каждой страны есть события и даты, которые определяют «развилки», кардинальные повороты во всем их дальнейшем развитии. В отечественной истории XX в. такими судьбоносными моментами, несомненно, стали октябрь 1917-го и июнь 1941 г. Крутым поворотом, резко изменившим лицо нашей страны и условия жизни целых поколений ее граждан, обернулись и неожиданные для всех события, происходившие в течение трех дней в августе 1991 г. Поньше не утихли горячие споры о причинах и сущности того, что вошло в историю под названием «путч».

По заданию редакции член редколлегии журнала В. Бушуев обратился с рядом вопросов о ситуации четвертьвековой давности к ветерану советской разведки Н. Леонову — в то время он находился в эпицентре разворачивавшихся событий, занимая высокие посты в КГБ.

— *Уважаемый Николай Сергеевич! Прежде всего хочу попросить Вас дать общую оценку обстановки в стране к лету 1991 г.*

— *Вокруг событий тех дней нагромождены такие горы лжи, пропагандистского мусора и столько направленного на самооправдание*

молчания, что разобраться в реальной картине произошедшего нынешнее поколение россиян не в состоянии. Вряд ли заинтересована в раскрытии всей имеющейся в ее распоряжении информации и сегодняшняя власть. Для нее вполне достаточно тех клише, тех журналистских штампов, которыми буквально заляпаны страницы истории тех дней — дней бесславных, позорных, трагических для судеб нашего Отечества.

Даже памятью возвращаться в август 1991 г. всегда тяжело и горько. Никто из основных фигурантов событий тех дней не оставил честных воспоминаний о случившемся. Ни у кого не хватило политической мудрости и широты кругозора, чтобы оценить события с точки зрения интересов великого государства, каким был СССР — преемник вековой России и населявших ее народов. Ключевым в этом отношении является высказывание М. Горбачева, который по возвращении из Фороса 22 августа 1991 г. публично, на всю страну заявил ожидавшим его журналистам: «Все равно я всего вам не расскажу!»

За прошедшие с тех пор 25 лет мне неоднократно доводилось беседовать один на один с бывшими членами ГКЧП. Но каждый раз собеседники уходили от темы разговора, когда речь заходила об этих трех трагических днях. О чем они говорили во время своих собраний на загадочном «объекте АВС»? Почему у ГКЧП даже не было председателя? Как вышло, что вместо использования телевидения и радио в качестве мощного орудия влияния на общество люди видели на экране «Лебединое озеро» и дрожащие руки Г. Янаева? Очевидно, им тоже было больно и стыдно вспоминать об этом. С победившими «демократами» мне говорить не пришлось. Поэтому буду полагаться только на свою память.

Почти всю основную часть своей профессиональной жизни я служил в советской внешней разведке. Более 10 лет провел в зарубежных командировках, потом почти 12 лет работал руководителем Информационно-аналитического управления, затем был переведен на пост заместителя начальника разведки. Поэтому для меня было совершенно неожиданным назначение в феврале 1991 г. начальником Аналитического управления КГБ. Это означало окунуться в океан внутривнутриполитических проблем СССР, к которым раньше по долгу службы я отношения не имел. Принцип морально-этического кодекса военного человека гласит: «Ничего не проси, ни от чего не отказывайся!» С горечью я простился с разведкой и приступил к работе на площади Дзержинского. Тогдашнему Председателю КГБ В. Крючкову я откровенно сказал, что внутривнутриполитическая обстановка в СССР не требует особых тонкостей аналитической работы. Ее вектор очевиден: в политической борьбе доминируют напористая воля Б. Ельцина и собравшиеся вокруг него разношерстные разрушительные силы, которым ничего конструктивного не могут противопоставить ни правительство, ни КПСС.

Я начал ежедневно получать вороха телеграмм со всех концов Советского Союза, перезваниваться по телефону ВЧ с руководителями органов государственной безопасности республик, краев и областей, готовить информационные материалы для доклада политическому руководству страны. Можно сказать, что я стал человеком, осведомленным о положении дел в СССР. Основной чертой всего информационного

массива была фиксация тревожного кризисного положения: падение производства, перебои в снабжении, растущее недовольство в трудовых коллективах. Чувствовалась глубокая неуверенность властей на местах из-за бездействия партийно-государственного руководства, отсутствия твердых и ясных директив из Москвы. Растерянность центральной власти была видна невооруженным глазом, хотя общая социально-экономическая ситуация в стране не предвещала катастрофы.

Стержневым вопросом на тот момент оставалось противостояние между М. Горбачевым и Б. Ельциным, которое с лета 1990 г. приобрело форму острой борьбы между центральной и российской властями. Из разведки поступали сведения о том, что США и их союзники по НАТО всячески поддерживали сепаратистские движения в республиках, хотя в официальных контактах с Горбачевым делали вид, что очень озабочены сохранением единства Советского Союза. На деле Вашингтон беспокоила лишь одна проблема — вероятность возникновения на территории СССР четырех-пяти ядерных держав с непредсказуемым поведением их после распада единого государства. Козырной картой для Вашингтона в этой обстановке был Б. Ельцин и представители его ближайшего окружения из так называемой Межрегиональной депутатской группы. Она являлась настоящей политической партией, в которую входили как искренние демократы вроде академика А. Сахарова, так и политические авантюристы типа Г. Старовойтовой.

Б. Ельцин вел себя, как руководитель совершенно независимого государства. Он подписывал международные договоры и соглашения с союзными республиками (особенно с Украиной), не считаясь с союзной властью. Российская власть была инициатором развала СССР и поощряла сепаратизм республик. Ельцин открыто призывал государственные и хозяйствующие структуры переходить из союзного подчинения в юрисдикцию РСФСР. Дело доходило до постановки вопроса о том, чтобы союзное правительство платило России арендную плату за служебные помещения, занимаемые им в Кремле.

Средства массовой информации к 1991 г. были выведены из-под контроля КПСС; исключение составляла газета «Советская Россия». Эту работу загодя осуществил А. Яковлев, который был идеологом будущей «цветной революции» в СССР. СМИ активно помогали сепаратистам, раздувая версию о том, что все республики являются «нахлебниками» для России, и освобождение от них — шаг к процветанию и благополучию. Начавшийся Новоогаревский процесс подготовки нового Союзного договора, по сути, был призван легализовать распад Советского Союза. Было бы неплохо опубликовать все материалы проходивших в то время переговоров, чтобы нынешние граждане знали, как говорится, «who is who?» — потому что именно эти переговоры и проекты договоров являются непосредственной причиной событий 19–21 августа 1991 г.

Понимая, что главную угрозу для СССР представляет именно сепаратизм, я впервые в практике КГБ в апреле 1991-го выступил публично с 10-минутной речью за заседанием депутатской группы «Союз». Председательствовал на нем В. Алкснис. Текст речи потом был опубликован в «Советской России» под заголовком «Вороны сбиваются в одну стаю». В своем

выступлении я заявил, что традиционные противники нашей страны и сепаратисты всех мастей объединяются в одну стаю, и предупредил, что если Верховный Совет не примет никаких мер, то СССР скоро исчезнет. До Беловежского сговора в декабре 1991 г. тогда оставалось девять месяцев...

В мае 1991-го в пик союзному Б. Ельцин решил создать российский КГБ. Мне довелось сопровождать В. Крючкова в его поездке в «Белый дом» для переговоров по этому вопросу с Ельциным [6]. По дороге в машине я говорил Крючкову: «Сейчас Ельцин — реальный хозяин в стране. Горбачев лопнул, как мыльный пузырь. Предложите Борису Николаевичу не дробить государственные структуры, а поставить вопрос о новых выборах президента СССР путем всенародного голосования. Пусть СССР останется цельным государством под его, Б. Ельцина, управлением. Человек, личность — не вечны, а вот государство — это историческое достояние народов!» Не знаю, состоялся ли у них разговор на эту тему, потому что меня оставили в приемной убивать время с бесцветным Г. Бурбулисом.

— Судя по всем свидетельствам и воспоминаниям, события, начавшиеся 19 августа, заранее никем не готовились и не обсуждались даже в самом узком кругу. Можно ли считать их чистой импровизацией, а дату, связанную с предстоящим подписанием Союзного договора, — лишь поводом для выступления? Другими словами, что именно в тот момент двигало участниками этой акции?

— Выступление в августе 1991 г., действительно было абсолютно спонтанным. Оно не готовилось ни в одной из структур, руководители которых оказались включенными в состав ГКЧП. Без каких-либо оснований либеральные журналисты твердят о чуть ли не руководящей роли КГБ в событиях тех дней. Единственное, на чем они строят свои домыслы, — это некие совещания, проходившие на уже упомянутом «секретном объекте» внешней разведки «АВС» в районе станции метро «Юго-Западная». Этот объект создавался для осуществления контактов и работы с представителями разведок дружественных государств.

В ходе проведенных там пары совещаний будущие члены ГКЧП обсуждали в самых общих чертах состав комитета и форму выступления. Доминантой при обменах мнениями был категорический отказ от использования силы в любой форме. Известны слова, которые произнес тогда Г. Янаев: «Как мне жить, если будет пролита хоть капля крови!» Цель выступления изначально была одна — не допустить подписания нового Союзного договора. Поэтому противостояние приняло форму столкновения союзной власти с российской.

Никто из членов ГКЧП не ставил вопрос о свертывании демократии или изменении социально-экономического вектора реформ, которые в целом уже получили поддержку большинства общественного мнения. Нельзя забывать, что пленум ЦК КПСС в феврале 1990 г. принял решение отказаться от статьи 6 Конституции СССР [8], где говорилось о руководящей и направляющей роли КПСС. Многопартийность уже стала фактом: в декабре 1989 г. была создана ЛДПР, потом появились Аграрная, Народная, Демократическая и другие партии. Точно так же никто не ставил вопрос об отмене принципа многоукладности экономики —

основе будущего развития. Не подвергалась сомнению и система свободы информации, сложившаяся в виде бушевавшей вовсю «гласности». Единственный вопрос сводился к сохранению или расчленению СССР.

Запад в то время активно поддерживал всех сепаратистов и в первую очередь — российское правительство во главе с Б. Ельциным — в их стремлении покончить с Союзом. Это был наиболее короткий и прямой путь к установлению полной власти над территорией России (тогда — РСФСР). Никакой иной цели в действиях сепаратистов не просматривается. Союзный договор в новоогаревской форме был желанным политическим документом для Б. Ельцина. Но он был неприемлем для большей части политического руководства СССР [2], которое решилось на акцию ГКЧП. Союзный договор и был причиной выступления, а сроки его подписания — поводом для скороспелого и неподготовленного, спонтанного решения.

— И все же у многих до сих пор просто не укладывается в голове, что такая исключительной важности акция, как создание ГКЧП, объявление о болезни и отстранении от власти президента, введение войск в Москву, могла быть осуществлена без подготовки, без руководящего центра. По сию пору чаще всего продолжают указывать пальцем на Ваше прежнее ведомство, усматривая в нем инициатора выступления гэкачепистов. Что Вы можете сказать о высказываниях такого рода?

— Хочу еще раз четко и определенно подчеркнуть, что акция ГКЧП была отчаянной, неподготовленной, верхушечной попыткой сохранить СССР. Она представляла собой реакцию на вялую, тряпичную позицию М. Горбачева, готового согласиться на любые трансформации государства ради сохранения своего поста президента СССР, даже если бы при этом его лишили большинства управленческих прав.

Она была совершенно спонтанным решением группы ведущих государственных деятелей. Никаких подготовительных мероприятий для обеспечения успеха этой акции не было. Хотя в КГБ знали в деталях технологию введения военного положения в Польше в 1981 г., ничего даже отдаленно напоминавшего проведенный там комплекс необходимых мер в СССР не готовилось [1]. Костяк руководящего состава КГБ находился в летних отпусках. Я в это время плыл на теплоходе по Енисею из Красноярска к бухте Диксона. Коллегия КГБ была созвана в срочном порядке только утром 19 августа и проинформирована об уже начавшихся событиях. О подготовке акции были заранее осведомлены, вероятно, только два заместителя Председателя КГБ — Г. Агеев и В. Грушко. Для остальных членов коллегии известие оказалось «громом среди ясного неба». В. Крючков сказал членам коллегии, что основная часть руководителей республик (он назвал некоторых по имени) поддерживает инициативу ГКЧП. И добавил: «С Борисом Николаевичем мы договоримся!» Никаких указаний мобилизационного характера дано не было. Никаких арестов не предполагалось, и приказов о подготовке к ним не было. Если мне не изменяет память, задержан был только следователь Т. Гдлян, занимавшийся расследованием «хлопкового дела». Среди личного состава ходили слухи о том, что один из пустующих подмосковных монастырей планировалось использовать для временной изоляции наиболее рьяных сепаратистов, — но это осталось не более чем

слухами. Так что говорить о спланированном и подготовленном государственном «перевороте» нелепо. Личный состав КГБ пребывал в бездействии все три дня, как и сотрудники МВД [4].

Воинские части, введенные в Москву, не имели боекомплектов, у них было строгое предписание не проявлять агрессивности к населению [9]. Танки останавливались перед красным сигналом светофора, давая возможность пешеходам перейти на другую сторону улицы. Это совершенно не походило на привычные военные перевороты или «путчи», десятки которых мне доводилось видеть и изучать. Правы были авторы, которые называли эти события «кремлевской опереттой». Я помнил, что в Гданьске для рассеивания митингующих с успехом практиковались холостые выстрелы из танковых пушек; а в Москве этим даже не пахло. Со стороны власти не было никакого насилия. Честно говоря, в те дни и власти как таковой практически не существовало. Она валялась на мостовой; и первым, кто ее подобрал, оказался главный сепаратист — Б. Ельцин [7].

— Правомерно ли вообще называть выступление членов ГКЧП «путчем» — как это до сих пор делают наши либералы, если учесть, что участие в нем приняли самые высокопоставленные руководители страны?

— События 19—21 августа 1991 г., конечно, никак нельзя называть «путчем». А ведь в дни событий ГКЧП именовали даже «фашистской хунтой». Журналистские «перехлесты» в угоду политическим установкам — не редкость в мировой практике, но к нашим болячкам они неприменимы. Какой же это «путч», если в состав ГКЧП входили вице-президент СССР, премьер-министр, министры обороны, внутренних дел, Председатель КГБ и другие высшие должностные лица?

Правда, авторитет советской политической элиты был изрядно утрачен из-за трех-четырёхлетней бездеятельности, пустопорожней болтовни, нерешительности, колебаний, присущих М. Горбачеву и поразивших всех его «соратников». КПСС и особенно ее ЦК как бы пребывали в наркотическом оцепенении: они критиковали своего «вождя» М. Горбачева, но не имели сил и мужества указать ему на дверь в тяжелую годину для Отечества. ГКЧП пошел даже на дешевую ложь о некоей болезни М. Горбачева, чтобы хоть как-то оправдать свое выступление, вместо того чтобы сказать народу и партии правду о создавшемся положении. Столь же нелепо было «объяснено» введение войск в Москву — якобы для охраны важных объектов. Но от кого и почему без боеприпасов [6]? Имеется много свидетельств того, что члены ГКЧП во время своих бесплодных посиделок злоупотребляли спиртным. Откровенно говоря, вся история этих трех трагических для судьбы Отечества дней порой напоминает фабулу произведений М. Булгакова или Г. Гарсия Маркеса. Сплошной «сюр»...

— Организаторы переворотов никогда и нигде в мире не действовали так, как с первых часов вели себя члены ГКЧП. На что же они рассчитывали, изначально обрекая себя на поражение? Нельзя ли допустить, что на деле они стремились лишь к верхушечному маневру, а целью был некий закулисный компромисс — устранение опостылевшего всем Горбачева и замена его обретавшим тогда силу Ельциным, передача ему

всех рычагов правления в масштабах Союза, которыми оказался явно не способен пользоваться Михаил Сергеевич?

— На что могли рассчитывать члены ГКЧП, предпринимая свою заранее обреченную на неудачу акцию? Только на вероятные тайные сговоры с Б. Ельциным с обещанием последнему провести всенародные выборы президента СССР с гарантией его победы. Конституция СССР предусматривала именно всенародные выборы на этот пост, и только в порядке исключения М. Горбачев был избран в 1990 г. президентом СССР на Съезде народных депутатов. Может быть, это объясняет отказ В. Крючкова использовать спецчасти КГБ для ареста Б. Ельцина.

Остается загадкой и уже упомянутое высказывание Крючкова на коллегии КГБ утром 19 августа «С Борисом Николаевичем мы договоримся!» Почему Крючков полетел в Форос после очевидной неудачи акции? Сама форма нелепого до крайности «путча» говорит о какой-то тайне во взаимоотношениях Ельцина и «путчистов». И даже отношение Ельцина к «поверженным врагам» наводит на вопросы, но не дает ответов. Ведь тот же В. Крючков потом на протяжении многих лет работал советником Ю. Лужкова, В. Стародубцев был губернатором Тульской области и т. д. Я уж не говорю о том, что все «путчисты» в конце концов получили положенные им пенсионные выплаты, ни у кого из них не отобрали ордена, а умерших впоследствии похоронили на престижных кладбищах. Мне приходилось слышать версию, что активную подстрекательскую роль в деле раздувания мифа о «путче» сыграл Р. Хасбулатов, который убедил Б. Ельцина в необходимости использовать момент для захвата власти. Точно так же, как украинский лидер Л. Кравчук в декабре 1991 г. уговорил Б. Ельцина пойти на Беловежские соглашения о ликвидации СССР.

— Как Вы полагаете, почему все три дня псевдопутча прошли в обстановке изоляции участников событий от широких масс советского общества? Народ, страна в целом молчали.

— Невероятно вялые признаки жизни, которые подавал ГКЧП, бездействовавший все три дня, лишний раз свидетельствуют о том, что никакого плана у псевдопутчистов не было. Натолкнувшись на «непримиримость» Ельцина, они растерялись. Борис Николаевич, видимо, просто «кинул» их, как в карточной игре. На его стороне были безусловный психологический перевес, полная поддержка Запада, агрессивное, властолюбивое окружение и, разумеется, «новые русские», т. е. нарождавшаяся буржуазия. ГКЧП был деморализован — поэтому он не обратился ни к партии, ни к народу, ни к вооруженным силам с ясным политическим и социально-экономическим призывом сберечь и упрочить революционные завоевания Октября 1917 г.

Основная масса советского народа оказалась в стороне от активной закулисной политической игры [3]. Ее вели, с одной стороны, группа М. Горбачева (А. Яковлев, Э. Шеварднадзе и другие менее видные, но откровенно оппортунистические деятели типа В. Медведева, Г. Янаева, А. Лукьянова, А. Бессмертных и др.), а с другой — Б. Ельцин и стоявшие за ним «демократы» вкуче с сепаратистами из ряда союзных республик, в первую очередь Украины и Грузии, не говоря уже о Прибалтике. Так

называемые гэкачеписты оказались в изоляции как в структуре союзной власти, так и в целом в политической палитре страны. Группа М. Горбачева полностью утратила престиж в партии и народе из-за бесконечной бессмысленной болтовни. А. Яковлев и Э. Шеварднадзе вообще дезертировали из партии и бросили своего «подопечного» на произвол судьбы. Но сами будущие члены ГКЧП не нашли в себе политического мужества и личной смелости, чтобы очистить ряды КПСС от группы М. Горбачева; хотя такие шансы имелись и во время партконференции 1988 г., и даже во время последнего пленума ЦК КПСС летом 1991-го. Они позволили себе втянуться в верхушечные закулисные интриги, итогом которых получился августовский «камуфлет».

Как советские, так и «демократические» «верхи», унаследовавшие политические привычки своих предшественников, привыкли к игнорированию воли и чаяний основной массы населения. Произвольное толкование результатов всенародных референдумов, далекая от демократической процедура проведения выборов, приниженное положение представительных органов власти, подчиненность судебной власти, манипулирование средствами массовой информации, злоупотребление силой при осуществлении властных полномочий — таковы реалии отечественной политики, объясняющие пассивность народной массы в моменты, когда решается судьба Отечества. Знаменитая пушкинская фраза из «Бориса Годунова» «Народ безмолвствует» чаще всего вспоминалась и в 1991-м, и в 1993 г., когда танковые пушки в упор расстреливали «Белый дом» — символ парламентской демократии. Отстраненные в течение десятилетий от реального участия в политике, приученные к тому, что кто-то где-то за них решает все, люди в критические моменты, к сожалению, остаются в роли пассивных зрителей. В. Высоцкий как-то сказал: «Нынче буйных стало мало». Но это другая тема.

— *Какие события тех трех и последующих дней особенно запечатлелись в Вашей памяти? И уместно ли говорить о каких-то уроках трагического августа 1991-го для России 2016 г.?*

— Митинговая стихия, подогреваемая СМИ и особенно усилившаяся после 21 августа, быстро подкатилась тогда под стены служебных зданий КГБ. Мне из окна моего кабинета было видно, как на соседних улицах молодые люди наливали из канистр в бумажные стаканчики всем желающим водку. А это — скверная прелюдия грядущих кровавых событий. 22 августа 1991 г., после ареста В. Крючкова, назначенный Горбачевым на пост Председателя КГБ Л. Шебаршин созвал коллегия КГБ, на которой выступил начальник Главного управления пограничных войск генерал-полковник Калининченко. Он сказал, указывая на толпу, собравшуюся на площади, что пограничники не позволят захватить служебные помещения и документацию своего главка и будут с оружием в руках отражать нападение толпы. Л. Шебаршин тут же связался по телефону с Б. Ельциным и просил его приехать и уговорить митингующих, чтобы избежать опасных последствий. Борис Николаевич примчался через полчаса и остановил накал страстей на площади. Видимо, он понимал опасность искры, которая могла разжечь гражданскую войну. Для него

самого московский «майdan» уже выполнил свою задачу, и теперь в нем нужды не было.

Всего через сутки Л. Шебаршин был снят со своего поста, а вместо него Председателем КГБ стал В. Бакатин, назначенный новым реальным «хозяином» земли русской — Б. Ельциным. Первыми словами Бакатина были: «Я пришел не для того, чтобы укреплять КГБ, а для того, чтобы его ликвидировать!» Было ясно, что речь шла о ликвидации социального строя и прежнего государства. Поэтому моя воинская присяга теряла силу. Я подал в отставку, которая было молниеносно принята.

Последующие события подтвердили мое восприятие тех дней. Все первоначально арестованные члены ГКЧП были амнистированы, хотя никаких приговоров по их делу вынесено не было. Явочным порядком им были восстановлены воинские звания и государственные награды, выплачены полностью пенсии за время нахождения под следствием, — т. е. новая «демократическая» власть не рассматривала их как своих врагов. Все они получили возможность написать воспоминания и опубликовать их, многие сотрудничали потом с государственными и частными структурами.

Нигде в мире и никогда в истории с закоренелыми врагами не поступают таким образом. И приходится только сожалеть, что нынешним поколениям наших граждан не предоставлено возможности ознакомиться со всеми материалами следствия по делу так называемого ГКЧП, чтобы они могли увидеть реальную картину тех дней. Впрочем, «демократические» прокуроры и следователи частично продали эти материалы за границу. А наши СМИ, без конца пережевывающие историю расстрела царской семьи, продолжают трусливо поджимать хвост, когда речь заходит о происшедшей на наших глазах четверть века назад гибели исторической России. На память приходят строки сатирической «Истории России от Гостомысла до наших дней»: «Ходить бывает склизко по камушкам иным, о том, что было близко, мы лучше умолчим!»

Наиболее честную и непримиримую позицию в отношении сепаратистов занимал до конца своих дней генерал армии Герой Советского Союза В. Варенников, который в момент акции ГКЧП находился в Киеве с задачей обеспечить ее успех на Украине. Оттуда он прислал в Москву адресованную ГКЧП знаменитую телеграмму, в которой спрашивал, почему до сих пор не арестован Ельцин и почему проявляется такая самоубийственная вялость. В конце концов Варенников был взят под стражу; но отказался от амнистии и требовал открытого процесса — на который власть по понятным причинам не отважилась. Вскоре его также освободили. Валентин Иванович был знаменосцем на Параде Победы в 1945 г. и в постсоветские времена возглавлял Ассоциацию Героев Советского Союза и России.

Единственным, кто реально пострадал, оказался генерал Ю. Плеханов — начальник 9-го управления КГБ, которое отвечало за охрану и обслуживание высших должностных лиц государства. Он находился в Форосе, в той самой резиденции, где в «самозаточении» пребывал Горбачев, не предпринявший ни малейшей попытки покинуть свое убежище и вернуться в Москву, хотя в его распоряжении были и самолет, и корабли Черноморского флота. После августовских событий Плеханов был разжалован и лишен пенсии самим Горбачевым. Это была личная

месть лицемерного «пленника» своему формальному «конвоиру». Не более того.

Переворот 1991 г. был первой из серии будущих «цветных» революций на постсоветском пространстве. Судьбу строя и страны решали конкурирующие за власть группировки в правящих кругах, за красивыми заявлениями и обещаниями скрывавшие от народа свои подлинные цели. В качестве основного инструмента в своей борьбе они использовали СМИ и практику, которая впоследствии получила название «майданов» — уличные стояния или шествия с ограниченным числом ангажированных или просто оплаченных участников. В Москве их постоянная численность никогда не превышала 60—70 тыс. человек при 12-миллионном населении города. Поэтому после победы «демократии» новые власти все свои усилия направили на то, чтобы установить полный контроль над СМИ и не допустить новых «майданов». Именно с этой целью, кстати, они уничтожили просторную Манежную площадь, перестроили площадь Маяковского, Пушкинскую площадь отдали надежному «оппозиционеру» В. Жириновскому, а Театральную — не менее благопристойному Г. Зюганову. С той же целью они приняли десятки запретительных законов против митингов и демонстраций, коррумпировали или запугали всевозможными санкциями СМИ и их сотрудников.

Говорить же о каких-либо уроках, вытекающих из событий августа 1991 г., ей-богу, даже неудобно... Изувеченная до неузнаваемости историческая Россия с вымирающим от бедности населением, утратившая ядро своего научно-технического потенциала, окруженная кольцом недружественных соседей должна найти в себе силы, чтобы осознать свое реальное положение в мире и в регионе, определить цель своего существования, осмыслить дорожную карту для достижения этой цели и набраться терпения на многие годы, чтобы идти этой нелегкой дорогой. Сейчас мы, говоря словами поэта, «тихо плаваем в тумане без руля и без ветрил».

Литература

1. **Бобков Ф. Д.** КГБ и власть. М. : Ветеран МП, 1995.
2. **Бушуев В. Г.** Свет и тени: от Ленина до Путина. Заметки о развилках и персонах российской истории. М. : Культурная революция, 2006.
3. **Коэн С.** «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?. М. : АИРО-XXI, 2007.
4. **Крючков В. А.** Личное дело : в 2 ч. М. : Олимп, 1996.
5. **Леонов Н. С.** Крестный путь России. 1991—2000. М. : Русский дом, 2002.
6. **Леонов Н. С.** Лихолетье. М.: Терра, 1997.
7. **Островский А. В.** Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М. : Крымский мост-9Д : Форум, 2011.
8. **Прокофьев Ю.** Как убивали партию. Показания Первого секретаря МГК КПСС. М. : Эксмо : Алгоритм, 2011.
9. **Янаев Г.** ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР. М. : Эксмо, 2010. ◆